

И. Климов

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГИ

Д. Уолтона “Аргументы ad hominem”

После прочтения книги Дугласа Уолтона остается отчетливое ощущение небольшого “открытия”: в наших повседневных диалогах всегда явно или неявно присутствует аргументация ad hominem – аргументы к человеку. Хотим мы этого или не хотим, но раз уж нашими партнерами и собеседниками являются люди и личности, сам этот факт оказывает структурирующее воздействие на нашу риторiku и систему аргументации. Предлагаемый ниже отрывок из книги Дугласа Уолтона представляет собой выписки из нескольких глав: из первой главы, посвященной базовым понятиям и видам аргументов ad hominem, из глав третьей и пятой, где обсуждаются понятия, без которых невозможна теория аргументации: “личность”, “характер”, “позиция”, и из главы седьмой, предлагающей некоторые подходы к оценке обоснованности и релевантности аргументов ad hominem.

Главы публикуются со значительными сокращениями и сопровождаются своего рода тематическим указателем [в квадратных скобках] – конспектом наиболее важных утверждений и доводов автора. Мы убрали большую часть обоснований, примеров и доказательных выкладок, содержательные повторы и указания на другие разделы книги и, кроме того, многочисленные библиографические ссылки на профессиональную литературу и публикации в журналах и газетах. Мы стремились дать общее представление о подходе и поднимаемых проблемах, а все недостающие компоненты можно найти в опубликованном в 2002 году оригинале.

[Аргументы ad hominem – дискредитация доводов через дискредитацию личности]

Аргументы ad hominem, или аргументы, связанные с негативной оценкой личности, часто являются непосредственной защитной реакцией на любой новый и сильный аргумент в споре, особенно если затронуты личные интересы и эмоции перехлестывают через край.

Когда в 1962 году впервые вышла “Молчаливая весна” Рейчел Карсон, классическое произведение о проблемах окружающей среды, подобную реакцию продемонстрировали представители интересов сельскохозяйственного бизнеса и производители пестицидов. Журнал “Кэмикал Уорлд Ньюс” назвал книгу “научно-фантастической”, сравнив ее с телевизионным сериалом “Сумеречная зона” и поставив под сомнение научность подхода Карсон и ее способности отбирать и использовать информацию. Член государственного комитета по надзору за применением пестицидов, стремясь показать, что автора книги не следует принимать всерьез, заявил: “С чего бы это старой деве так беспокоиться о генетических последствиях?” Директор Сельскохозяйственного департамента Нью-Джерси заметил, что идеи Карсон типичны для тех горластых малоинформированных горожан, которые ратуют за натуральные методы в сельском хозяйстве, органические удобрения, любовь к птичкам, ничего не понимая в экономике и важности химикатов для сельского хозяйства. Другие представители химической индустрии назвали книгу “мистификацией”, а саму Карсон – “фанатичной защитницей культа”.

Уолтон Д. Аргументы ad hominem / Пер. с англ. Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.

В «Молчаливой весне» впервые появились предупреждения об опасности пестицидов для экосистемы, впоследствии ставшей предметом бесчисленных дискуссий. Но представители интересов сельского хозяйства и производства пестицидов, не имея ничего сказать по существу, прибегли к личной критике, с тем чтобы дискредитировать автора и заставить ее замолчать. В этом случае нападки ad hominem не увенчались успехом, но во многих других они приводили к нужному результату.

В конце XX века аргументы ad hominem стали весьма распространенной тактикой в предвыборных «негативных кампаниях», что нашло широкое отражение в средствах массовой информации. Личностная критика оказалась настолько эффективной, что даже осуждающие ее политики не могут позволить себе полностью от нее отказаться. Хотя аргументы ad hominem существуют уже давно, проблема их оптимального применения обсуждается сегодня в демократическом обществе активней, чем когда-либо прежде.

[Аргументы ad hominem – средство воздействия на аудиторию]

Легко используемые для обвинения, трудно опровержимые, аргументы ad hominem оказываются мощным средством воздействия на аудиторию даже тогда, когда доказательств, поддерживающих обвинение, мало или совсем нет. Критика характера противника (личностная атака) представляет его нечестным, не заслуживающим доверия, лишенным логики, запутавшимся, сбитым с толку. Потеря же доверия может полностью лишить оппонента возможности защитить свою по-

зицию. Голословного, но эффектного и категоричного заявления бывает достаточно, чтобы лишить аудиторию способности к критическому суждению.

Примеры, рассмотренные в этой книге, демонстрируют силу атак ad hominem, показывая, как трудно им противостоять и какой вред они могут причинить. К сожалению, эту негативную тактику среди прочих освоили эксперты по связям с общественностью.

В одном из описываемых случаев кандидат в президенты США был представлен с помощью видеоклипа как человек воинственный и безответственный, которому нельзя доверить столь важный государственный пост. В другом случае против кандидата в губернаторы было выдвинуто обвинение в недостаточной мужественности («wimp фактор»); использовались карикатуры, из которых следовало, что он недостаточно силен как лидер. В третьем – главный администратор компании был несправедливо обвинен

профсоюзом в жестокости во время забастовки – рабочие даже назвали его подонком; в результате переговоры были сорваны, а компания обанкротилась.

[Возможна ли защита от аргументов ad hominem?]

Личностная атака – настолько субъективный и эмоциональный вид аргументации, что непонятно, как в каждом конкретном случае найти объективные логические критерии, позволяющие рационально оценить обоснованность (корректность) аргументов ad hominem. Может показаться, что единственный способ доступной

и эффективной защиты против такой атаки – заявление о нанесенном оскорблении с последующей критикой того, кто произвел бездоказательное обвинение. Но это значит ответить на одну атаку ad hominem другой, такой же. Хотя в некоторых случаях это может быть эффективно, в других оно не срабатывает, а в каких-то – превращает аргументированную критическую дискуссию в склоку с личностными нападками. Альтернатива, предлагаемая в этой книге, – анализ логической структуры аргумента ad hominem с целью не только продемонстрировать некорректную, софистическую тактику его использования, но и способы правильного его применения, связанные с подрывом доверия к оппоненту. Наша цель – научить читателя не просто использовать аргументы ad hominem против кого-либо, но делать это правильно и правильно отражать такие атаки.

Читателю предлагается нормативное и критическое описание, позволяющее идентифицировать и оценивать аргументы, используемые при личностной критике. Хотя аргументы ad hominem традиционно рассматриваются в логике как ошибочные, последние исследования показывают, что во многих случаях это не так. Мы пришли к заключению, что наряду с личностными атаками, которые могут быть признаны неправильными, возможно существование и таких, которые в соответствующем контексте могут быть вполне обоснованными или же слабыми, но не ошибочными. В книге показано, что аргументы ad hominem при правильном их использовании способны подорвать доверие к критикуемому, а следовательно, и к его аргументам.

Из главы 1. Классические случаи и базовые понятия

Прежде чем обратиться к исследованию аргументов ad hominem, будет очень полезно получить первоначальное представление об их основных видах.

Абьюзивные и обстоятельственные аргументы

[Прямая атака: плохой человек недостойн доверия]

Абьюзивный вид используется в тех случаях, когда одна сторона в дискуссии критикует или пытается опровергнуть аргументы другой путем прямой атаки на личность оппонента. Аргумент выглядит следующим образом: “Мой оппонент – плохой человек; поэтому вы (аудитория, слушатели) не должны принимать его доводы”. Очень часто в фокусе атаки оказывается такое свойство, как надежность (credibility)¹.

Во втором издании (1961) одного из наиболее авторитетных и популярных учебников “Введение в логику” Ирвинга М. Коупи приводится следующий пример абьюзивного аргумента ad hominem.

■ Пример 1.1

Можно сказать, что философия [Фрэнсиса] Бэкона недостойна доверия, потому что он был уволен с поста канцлера за нечестность.

И. Коупи оценивает этот аргумент как ошибочный, так как “характер человека с точки зрения логики не имеет отношения к истинности или ложности того, что он говорит, или корректности или некорректности его аргументов”. Такое обобщение представляется сомнительным, но понятно, что хочет сказать Коупи: философию Бэкона нужно оценивать по ее достоинствам, а не отвергать на том основании, что автор не заслуживает доверия.

[Защита: логический анализ аргументации]

В любом случае по поводу аргумента ad hominem в примере 1.1 должны быть заданы критические вопросы. Хотя характер Бэкона может иметь отношение к некоторым разделам его философии, например, к его этическим воззрениям, не стоит отвергать его философию в целом как “не заслуживающую доверия”, не ознакомившись с ней.

¹ Оппонент может быть назван лжецом, безответственным, “ненормальным”; его могут обвинить в наличии корыстного интереса и проч.

Даже если существуют весомые основания для того, чтобы поставить под сомнение честность Бэкона на его политическом поприще в должности канцлера, из этого вряд ли следует, что его научные и философские взгляды должны быть отвергнуты.

[Отсылка к обстоятельствам высказывания: несоответствие слов делам]

Обстоятельственные аргументы ad hominem отличаются от абьюзивных тем, что в них против доводов оппонента используются не особенно его характера, а некоторые другие “обстоятельства”.

В соответствии с предлагаемым [мною] подходом обстоятельственный вид подразумевает противоречие или прагматическое несоответствие того, что говорит оратор, некоторым пропозициям, явно или неявно выраженным в обстоятельствах его личной жизни. Другими словами, обстоятельственный аргумент ad hominem строится на некотором практическом несоответствии между аргументами оратора и определенными проявлениями его личности или жизненными обстоятельствами.

■ **Пример 1.5**

Отец говорит сыну, что курение вредно и приводит к серьезным заболеваниям. Сын отвечает: “Ты сам куришь, чего же стоят твои аргументы?”

В этом случае обстоятельственный аргумент ad hominem указывает не на логическое, а на так называемое прагматическое противоречие (pragmatic inconsistency) между декларацией и личным поведением. Ребенок видит действия отца (курение) и ссылается на это обстоятельство в ответ на его аргументы. Отец выступает против курения, однако сам курит, то есть он не “делает то, что проповедует”. Следовательно, заключает сын, доводы отца не стоит принимать во внимание.

[Защита: анализ природы обнаруженного несоответствия]

Ошибка ad hominem может привести к тому, что “вместе с водой выплеснут младенца”, – сын полностью отметет родительский аргумент из-

за замеченной прагматической непоследовательности, вместо того чтобы увидеть, что отцовские доводы весьма серьезны... Вполне разумно и правильно, даже похвально со стороны ребенка задаться вопросом о природе этого несоответствия – у него есть основания усомниться в последовательности отца, ведь он не знает фактов и должен делать выводы на основе логичности и правдоподобия его совета. Однако свидетельства возможной нелогичности отца

Хотя аргументы ad hominem традиционно рассматриваются в логике как ошибочные, последние исследования показывают, что во многих случаях это не так

опровергают предположение, что этот совет можно принять, и перекладывают на отца необходимость развеять сомнения сына. Отец должен по крайней мере объяснить свою непоследовательность.

Предвзятый аргумент ad hominem

[Обвинение в тайном умысле: стремление к собственной выгоде]

Еще один неоднозначный и весьма распространенный вид аргумента ad hominem – аргумент от **предвзятости**. О нем говорят, когда возникает сомнение в беспристрастности говорящего. Например, если критик показывает, что оратор, выступающий за мир и ядерное разоружение во время “холодной войны”, на самом деле является агентом КГБ, то он серьезно подрывает аргументы последнего, поставив под сомнение его незаинтересованность в этом вопросе.

Фактически это заявление о том, что оппонент пропагандирует выгодную для себя позицию, ведет переговоры, исходя из собственных клановых интересов, а не занят открытым всесторонним обсуждением проблемы – критической дискуссией, где приводимые аргументы

представляют рассматриваемую тему *со всех сторон*.

...Критика предвзятости в аргументах ad hominem подразумевает два аспекта. Один из них – это заявление, что критикуемый может что-то выгадать в результате переговоров – и ориентирован на достижение этой цели. Второй – это предположение, что данный человек пытается скрыть свою тайную цель, и поэтому его аргументация направлена вовсе не на то, что он декларирует... Это определяющая черта предвзятого аргумента ad hominem; ключевым здесь является контекст разговора. Предполагаемая цель участника диалога является основанием для обвинения его в предвзятости.

“Отравление источника” и tu quoque

[Обвинение в предвзятости: неспособность к всестороннему обсуждению проблемы]

Еще один важный вид аргументов ad hominem – это **“отравление источника”** (poisoning the well). Суть его в следующем. Оратор заявляет, что его оппонент является пристрастным сторонником определенной точки зрения, и поэтому всегда будет исходить из своего специфического интереса или позиции. Отсюда следует, что утверждения противника нельзя воспринимать серьезно и буквально, считать их базирующимися на реальном основании.

“Отравление источника” может быть рассмотрено как расширение предвзятого вида аргумента, при котором предполагается, что заинтересованность говорящего стала еще больше. Его приверженность своей особой точке зрения или позиции теперь настолько сильна и стабильна, что его аргументы не опираются на независимые факты, но всегда направлены на пропаганду этой позиции...

Стратегия “отравления источника” состоит в том, чтобы блокировать аргументы противника, показав, что он не является достойным участником критической дискуссии, – от такого человека нельзя ожидать искренности и стремления к сотрудничеству. Его мнение уже сформировано, для чужих аргументов он закрыт и никогда не признает, что не прав.

[Tu quoque: “сам дурак”]

Еще одним важным видом аргументов ad hominem является **tu quoque** (“ты тоже”). Это выражение очень подходит для аргументов, при которых на обвинение в совершении какой-то ошибки или несоответствии определенным требованиям отвечают: “И ты такой же” или: “И ты тоже совершаешь такие промахи”... Основной вариант аргумента tu quoque – использование ответа ad hominem против атаки ad hominem. Такие случаи нередки в политических дебатах. Еще чаще выражение tu quoque используется, когда какой-либо аргумент “отбивается” тем же самым аргументом.

Человек и его позиция

[Не прояснив, что есть “личность”, не поймем, что такое аргументация ad hominem]

Большинство учебников определяют аргумент как личностную атаку – критику человека, с которым вы ведете диалог, с тем чтобы опровергнуть его доводы. Но это определение вызывает множество теоретических вопросов, на которые нет пока ясных ответов в литературе по аргументации или неформальной логике. Один из них – что считать “личностью” в аргументации?

[“Личность” – совокупность утверждений и взглядов]

Аргументы, по Ч. Хамблину, – это обмен ходами в пределах определенной диалектической системы, напоминающей игру, в которой два партнера по очереди делают ходы... Участник игры-диалога совершает определенные ходы, например, задает вопросы, делает наблюдения или приводит аргументы, внося тем самым суждения в массив, называемый совокупностью позиций (commitment set/store). “Такой массив – это личность, представленная в ее убеждениях: это необязательно должны быть настоящие убеждения, но они будут действовать примерно так, как настоящие”. Функция такого массива позиций – “представлять текущее состояние взглядов личности”. Например, когда человек отвечает на во-

прос другой стороны, суждение, содержащееся в его высказывании, поступает в массив позиций. И если человек отказывается от своего суждения, или хочет отказаться, или показывает, что больше не согласен с ним, оно будет исключено из этого массива. Таким образом, эти массивы отражают различные позиции (мнения), которых придерживается участник диалога в процессе совершения шагов в рамках диалогической системы Хамблина.

[“Личность” не тождественна высказанным утверждениям]

...Необходимо провести различие между совокупностью позиций спорящего, которая, как говорит Хамблин, формирует его образ, и его настоящей личностью или характером. Совокупность взглядов представляет собой набор пропозиций, которых человек придерживается, выводимых из конкретного диалога и его контекста. Но представляет ли совокупность взглядов говорящего его личность или его как личность? Можно ли сказать, что при личностной атаке критикуется личность говорящего? Представляется, что ответ будет отрицательным, хотя идентифицировать говорящего с его взглядами возможно. Тем не менее под “личностью” (person) при личностной, или прямой, абьюзивной критике ad hominem мы имеем в виду характер участника диалога и прежде всего – его надежность, то есть возможность ему доверять.

[“Личность” как представления о характере участника диалога]

До какой степени можно отождествлять характер человека – его личностный характер – с совокупностью его взглядов в диалоге? Как нам кажется, нет никаких оснований полагать, что между этими явлениями существует однозначное соответствие. В целом концепция характера – представление о личности участника диалога – не является чем-то обособленным от хамблиновского понимания совокупности взглядов. Как сказано выше, в целом вопрос о том, как концепция личности, то есть концепция харак-

тера участника диалога, соотносится с концепцией аргумента в логике, еще никем по-настоящему не ставился, и тем более на него еще не дано ответа.

Из главы 3. Позиция участника диалога и атака на личность

[Представления о характере участника влияют на отношение к его аргументам]

...Концепция личности, пригодная для анализа аргументов ad hominem, включает нравственные, социальные и когнитивные аспекты. *Личность* в этом смысле означает участника аргументации, который способен приводить связанные и логически непротиворечивые доводы и имеет определенные взгляды и обязательства, определяемые его ролью во взаимоотношениях

Нет никаких оснований полагать, что между характером человека и совокупностью его взглядов в диалоге существует однозначное соответствие

с другими людьми. Личность, обладающая такими качествами, заслуживает уважения. Предполагается, что в диалоге она взаимодействует с другой личностью; личность может рассматриваться как достойный доверия источник, нравственные качества и когнитивные способности которого подкрепляют его аргумент. Поэтому аргумент ad hominem исходит из наличия у говорящего определенных качеств, придающих ему в глазах других определенный статус или надежность... Представление о характере участника диалога (включая такие его черты, как правдивость и рассудительность) влияет на степень доверия, испытываемого к нему окружающими, что, в свою очередь, отражается на оценке ими его аргументов.

Из главы 5. Характер, рассуждение и практическое обоснование

Что такое характер?

[Основания оценок заложены уже в семантике самих слов “характер” и “личность”]

Характер – это привычка или предрасположенность человека поступать более или менее одинаково на протяжении всей жизни. Слова “хороший” и “плохой” используются здесь в прагматическом смысле: одни качества человека обычно считаются положительными с позиций морали, а другие (неявные) – становятся очевидны из его поступков, а также целей, которые он объявляет или к которым стремится; последние находят выражение в его речах и аргументах. Характер человека считается “хорошим” или “плохим” в зависимости от роли, которую этот человек играет в каждом конкретном случае. Эта роль предполагает определенные позиции и обязательства в диалоге.

[Особенности характера проявляются в практическом выборе]

Особенности характера проявляются в действиях человека, когда он оказывается перед практическим выбором. М. Нассбаум предлагает следующее определение характера: “Характер человека – это совокупность относительно стабильных черт,

Характер человека считается “хорошим” или “плохим” в зависимости от роли, которую этот человек играет в каждом конкретном случае. Эта роль предполагает определенные позиции и обязательства в диалоге

связанных с практическим выбором или действием. Обычно эти черты – такие, например, как смелость, сдержанность и справедливость – влекут за собой совокупность убеждений, желаний

и эмоциональных реакций. Предполагается, что они являются не случайно выпавшими на долю человека свойствами, но чертами, которые любой нормальный человек может выработать в себе при наличии соответствующего воспитания и личных усилий”.

...Нассбаум дает подробное описание происхождения и этимологии этого слова. “Слово «характер» произошло от греческого *character*, первоначально означающего рисунок, нанесенный на монету; позднее оно получило более широкое значение – характерной черты, отличающей данную вещь от других. Философское использование английского слова «характер», однако, соответствует греческому слову *ethos* (не путать с *ethos* – «привычка»). А выражение «совершенство характера» восходит к греческому выражению *ethike arete* (иногда также переводимому как «нравственная добродетель»)”.

[Слово “личность” имеет моральное измерение]

Приравнивание совершенного характера к нравственной добродетели в греческом философском лексиконе со всей очевидностью показывает, что “характер” – не то же самое, что “личность”. По словам Куппермана, слово “характер” имеет “моральный оттенок”, отсутствующий в слове “личность”. Характер здесь – понятие этическое, тесно связанное с понятием добродетели, в отличие от соответствующего эмпирического термина в психологии или медицинского – в психиатрии.

[Характер оценивается из наших представлений о добродетели]

В “Никомаховой этике” Аристотель определяет “совершенство характера” (добродетель) следующим образом: “Добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек”². Это определение показывает, что Аристотель соотносит характер с рассуждением или выбором линии поведения и непосредственно связывает его с обосновани-

² Цит. по: Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1984. С. 87. – Прим. пер.

ем – с тем, что обычно называется практическим обоснованием или практической мудростью (phronesis).

[Характер как долговременное качество]

Характер считается долговременным качеством человека; хотя он может меняться, принято считать, что обычно он остается относительно стабильным (конечно, с объяснимыми отклонениями), иногда на протяжении всей жизни. Поэтому информация о поступках человека в прошлом может использоваться как свидетельство его хорошего или плохого характера.

Эту подразумеваемую стабильность нужно учитывать при оценке аргументов ad hominem. Для доказательства того, что у человека плохой характер, могут приводиться примеры из далекого прошлого. Свидетельства, доказывающие или опровергающие наличие определенных черт характера у индивида, часто могут опираться на факты, не имеющие отношения к ситуации конкретной дискуссии. Например, заявление, что некто является лжецом, может основываться на информации о том, что он говорил давным-давно в ситуации, абсолютно отличной от данной.

в контексте рассуждения, при котором чрезвычайно важным является наличие такой черты характера, как благоразумие при совершении выбора и решении практических проблем. В теории характера Аристотеля существует тесная связь между характером и *практическим обоснованием*³.

По Н. Шерман, у Аристотеля характер связан

с “устойчивостью” человека, позволяющей “рассчитывать, что кто-то будет действовать определенным образом”. Другими словами, характер предполагает устойчивую приверженность человека определенным поведенческим паттернам. Как отмечает Н. Шерман, связь характера и практического обоснования часто неадекватно воспринимается читателями “Никомаховой этики”, но она имплицитно присутствует в аргументах Аристотеля.

“...Аристотель уделяет особое внимание совершенству ума, совершенство характера во всех описаниях связано с такими понятиями, как аффект, выбор и пронциательность. Определение добродетели делает это совершенно ясным: обладать добродетелью – значит быть способным сделать выбор, какой сделал бы рассудительный человек, то есть тот, которому свойственна практическая мудрость”.

Практическое обоснование и характер

[Характер: практическая мудрость – свидетельство совершенства ума]

...Аргументы ad hominem во многих случаях связаны с характером, потому что они используются

[Компоненты практической мудрости: чувства, знания, умения, интенция, нравственность]

...Практическая мудрость у Аристотеля – это способность или возможность, которой обладает практичный человек, сведущий в искусстве

³ Практическое обоснование (practical reasoning) заключается в построении последовательной цепочки практических выводов (practical inferences). В простейшем случае практический вывод базируется на двух посылках. Одна из них констатирует, что агент А имеет цель G; другая – что, по мнению агента, выполнение действия А является средством для достижения цели G.

рассуждения с применением практического обоснования. Но в чем именно заключаются эти особые умения или способности, которые позволяют имеющему их превосходить других в практических делах? По Ч. Хамблину, свойства характера, которые Аристотель называет основными компонентами практической мудрости, можно разделить на четыре группы: 1) знания, полученные в результате чувственного восприятия, а также научные знания (*episteme*) и знания, полученные путем усмотрения разума (*nous*); 2) искусство или умения (*techne*), включая сообразительность; 3) умение правильно определять свои цели, включая совершенство рассуждения, понимание и суждения; 4) нравственная добродетель (*arete*). Важно отметить, что для Аристотеля философская (теоретическая, научная) мудрость (*sophia*) – не то же самое, что практическая мудрость (*phronesis*).

Нам не нужно вдаваться далее в особенности этики Аристотеля и его теории характера, чтобы увидеть, как в них проявляется – по крайней мере в общих чертах – связь между практическим обоснованием и характером. Характер связан не только с абстрактными целями (принципами), которые человек может иметь или провозглашать, но также с тем, как эти цели реализуются в поступках.

[Свойства характера, подвергающиеся атаке ad hominem]

Описанные Ч. Хамблином составляющие практической мудрости по Аристотелю хорошо соотносятся со свойствами характера, которые обычно подвергаются критике в абьюзивных аргументах ad hominem.

1. *Честность*: **a** является лжецом, **a** не придерживается истины.

2. *Способность к правильному суждению*: **a** не способен судить здраво, что видно из того, что он допускает нелепые ошибки. Этот аспект связан с умением найти “середину” в каждой ситуации, разумную линию поведения, сбалансиро-

ванную с учетом всевозможных соображений, имеющих отношение к рассматриваемому случаю.

3. *Реалистическое видение ситуации*: **a** игнорирует факты, не знает, как развивается ситуация, только делает вид, что хорошо информирован.

4. *Познавательные способности*: **a** нелогичен, непоследователен, делает элементарные логические ошибки; в экстремальных ситуациях ему отказывает здравый смысл, он имеет психологические проблемы (оторван от реальности, подвержен иллюзиям) или умственно неуравновешен, что приводит к неадекватному восприятию им ситуации⁴.

5. *Личные моральные стандарты* (характеристики, не совпадающие с пунктами 1–4): **a** имеет низкий моральный уровень, что следует, например, из его криминального прошлого, супружеской неверности и т. д.

[Цели диалога: обсуждение проблемы или диффамация противника]

Использование любого из этих пяти основных пунктов для построения абьюзивного аргумента ad hominem может быть эффективным в диалоге, где обе стороны вовлечены в обсуждение, в особенности при получении совета; когда одна сторона советует другой, как правильно поступать, другая сторона может привести релевантный в этом контексте аргумент ad hominem, базируясь на любом из этих положений. Конечно, такой аргумент может быть ошибочным, если он используется для бездумного отметания аргументов другой стороны или для игнорирования объективного свидетельства. Но он может быть вполне подходящим в качестве пробного шага для того, чтобы поставить под сомнение искренность оппонента или возможность ему доверять.

[Обоснованность аргументов ad hominem для оценки характера собеседника]

При обсуждении говорящий предлагает определенный способ поведения не только для себя

⁴ В качестве критики ad hominem Руссо П. Джонсон приводит проблемы из его личной жизни, связанные с магией преследования. Джонсон пишет, что невозможно изучать тягостные детали личных ссор Руссо, “не приходя к выводу, что он был душевнобольным”.

самого, но и для другой стороны (или сторон, если речь идет о группе или сообществе). Если выясняется, что он не способен судить здраво, или реалистично оценивать обстоятельства, или что он двуличен, то есть ратует за одну политику, а сам придерживается другой, для аудитории это является достаточным основанием, чтобы не относиться к нему с большой долей доверия. Следствием применения аргумента *ad hominem* является уменьшение доверия к аргументам оратора.

[Обоснованность аргументов *ad hominem* для организации дискуссии]

Наконец, связь между характером и обоснованным аргументом устанавливается с помощью практического обоснования. Критика характера может быть сильной, уместной и эффективной, потому что при этом поднимаются законно возникающие вопросы о практической обоснованности включения данного человека в число участников дискуссии. В то же время практическое обоснование при использовании аргументов *ad hominem* демонстрирует наличие связи между поступками человека и его взглядами и убеждениями...

Характер и политический дискурс

[Аргументы *ad hominem* в политическом дискурсе]

В политическом дискурсе невозможно проводить аргументацию в рамках одной нормативной диалоговой схемы, потому что в нем используются элементы нескольких типов диалога – критической дискуссии, переговоров, обсуждения, диалога, направленного на получение информации, спора⁵. Было бы наивным рассматривать политические дебаты в целом как критическую дискуссию и вследствие этого отказываться от аргументов *ad hominem* как неуместных или ошибочных. Необходимо иметь в виду, что в политическом дискурсе (например, во время проведения избирательной кампании) участни-

ки, как правило, принадлежат к каким-либо пропагандистским группам или находятся под их влиянием; обычно они материально заинтересованы в исходе дела.

[Политический дискурс связан с этосом – совокупностью моральных императивов]

Теория политической аргументации Аристотеля базируется на практическом обосновании; предполагается, что целью политического дискурса является совершение правильного выбора между различными линиями поведения. В аристотелевской схеме политического рассуждения Бринтон видит этическое аргументацию, при которой характеру говорящего “уделяется внимание, на

Если характер государственного деятеля остается неясным в течение длительного времени, если не прослеживается его система ценностей, это может создать для него проблемы

него ссылаются, он представляется таким образом, чтобы увеличить или уменьшить степень доверия к нему в зависимости от сделанных выводов”. Аргументы *ad hominem*, которые прежде всего фокусируются на личностных качествах говорящего, здесь, в принципе, являются обоснованными и приемлемыми.

[Приемлемость и важность аргументов *ad hominem* в политическом дискурсе для оценки характера участника]

Можно представить аристотелевское доказательство значимости характера в политическом дискурсе в виде последовательности из пяти шагов:

1. Речевым событием при рассуждении является практический вывод.
2. Существуют многочисленные обстоятельства, создающие неопределенность.
3. Может быть полезен совет опытных и мудрых.

⁵ Политический дискурс [мною] рассматривается как часть смешанного дискурса, в котором одновременно существуют несколько видов диалога.

4. Они должны обладать такими качествами, как честность, искренность и способность к правильному суждению.

5. Следовательно, характер говорящего важен.

Базовая посылка этого доказательства заключается в том, что в политическом дискурсе как рассуждении о чрезвычайно изменчивых практических вещах, которое не может опираться на точное (научное) знание, используется практическое обоснование. Соответственно, лучший совет тут может дать человек, обладающий практической мудростью и хорошим характером (ethos). Отсюда следует вывод, что характер – значимый аспект политического дискурса, например в ходе электоральной кампании, целью которой является избрание человека высоких нравственных качеств (или по крайней мере признающего общепринятые ценности).

Критики скажут, что политическая дискуссия не имеет ничего общего с рациональным рассуждением, базирующимся на практической мудрости, что это слишком "рассудочное" видение. Конечно, как уже отмечалось, политическому дискурсу неотъемлемо присущи элементы переговоров и спора. Однако трудно отрицать, что в нем также должны содержаться и действительно содержатся элементы обсуждения. Таким образом, в политическом дискурсе имеет смысл оценивать аргументы, хотя бы в определенной степени, и с этой точки зрения. Если это так, то в соответствии с приведенным выше выводом Аристотеля аргументы ad hominem не следует всегда отвергать "с ходу" как ложные.

[Аргументы ad hominem против неопределенности характера политика и его убеждений]

Этотические аргументы являются наиболее важными и в современном политическом дискурсе, потому что избиратели с полным на то основанием хотят знать об основных убеждениях кандидата, его моральных ценностях и идеалах. Фактически, если характер государственного деятеля остается неясным в течение длительного времени,

если не прослеживается его система ценностей, это может создать для него проблемы. Так, в конце 1994 г. сложилось общественное мнение, будто президент Билл Клинтон потерял доверие народа, потому что невозможно было понять, какой характер стоит за многими его политическими манипуляциями.

■ Пример 5.5

Проблема отчасти заключается в том, что трудно понять его характер; слишком мало существует вещей, которые он объявляет принципиальными для себя и за которые готов бороться.

Дэвид Герген, оставивший пост в администрации Клинтона, заявил недавно, что избиратели США хотят знать, какими "основными убеждениями" м-р Клинтон будет руководствоваться, находясь у власти в ближайшие два года.

"Биллу Клинтону... недостает основополагающих ценностей, на которых бы строилось его президентство, – сказал Джеймс Лейк, бывший советник по связям с общественностью у президентов Рейгана и Джорджа Буша. – Взять Теда Кеннеди – я никогда не был с ним согласен, но есть нечто, за что он выступает; он последователен, его позиция ясна. Или Рональд Рейган – люди были с ним не согласны раз за разом, но вы знали его позицию. А вот за что выступает Билл Клинтон, никто не знает".

В частных беседах многие демократы говорят то же самое и боятся, что в результате этого Клинтон не сможет удержать свои позиции⁶.

Из политических дискуссий видно, что характер и убеждения тесно взаимосвязаны. Как сказали про Рейгана, "его позиция ясна". Его действия последовательны, они выражают устойчивую систему взглядов, понимаемых как проявление его основных ценностей или идентифицируемого характера, и с ним легко можно соглашаться или не соглашаться. А поскольку позиция Клинтона во многом прагматически непоследо-

⁶ Fraser G. Beleaguered U.S. Leader Can't Seem to Win for Losing // The Globe and Mail. 1994. (December 28). P. A7.

вательна, Фрезер в своем докладе приходит к выводу, что самая большая проблема Клинтона заключается в том, что «слишком многие американцы считают, что у него нет базовой системы внутренних ценностей». Поэтому характер, или этос, понимаемый как основные нравственные ценности человека, является не только законной темой обсуждения в политическом дискурсе; это также центральный и фундаментально важный аспект, определяющий в демократической стране степень доверия к человеку в политических вопросах.

В политической аргументации характер может быть подвергнут критике с самых различных сторон. Если политик слишком часто меняет свои убеждения, про него говорят, что ему не хватает «базовой системы внутренних ценностей». Но если он не отступает от своих убеждений и не меняет их достаточно часто, то может быть подвергнут критике как негибкий, догматичный, невосприимчивый или «не чувствующий веяний времени».

[Утверждения о характере политика одновременно есть рефлексия политического этоса]

Более того, подобные нападки на устойчивость или неустойчивость убеждений часто могут переходить в заявления, что данный человек неправдив, он не придерживается истины. В 1995 г. демократы опасались, что Билл Клинтон может предать интересы своей партии, придя к согласию с республиканцами по вопросам бюджета. Когда помощники Клинтона заявили, что он «пересматривает» свою позицию по отношению к выдвинутому Сенатом закону о социальном обеспечении, с критикой его характера начали выступать обе заинтересованные стороны.

■ Пример 5.6

На сегодня обе партии пришли к единому мнению, что Клинтон не плох и не опасен, а просто глуп. Честно говоря, почти никто не считает, что он сам верит хоть одному своему слову. Или, вернее, он верит всему,

о чем убежденно говорит, и продолжает полностью верить в это до тех пор, пока сам от этого не откажется. Он обладает непостижимой искренностью интеллектуального социопата, уверенного, что в его речах главное не правда, а убежденность⁷.

Этот аргумент ad hominem, безусловно, является атакой на честность Клинтона: его обвиняют в том, что правда для него не важна, и даже называют «интеллектуальным социопатом», то есть человеком, который не имеет совести, постоянно хитрит и обманывает окружающих. Делается вывод, что Клинтон исчерпал свой кредит доверия: «почти никто не считает, что он сам верит хоть одному своему слову». Здесь мы видим, как критика ad hominem выступлений в политических дискуссиях может привести к прямым атакам на такую черту характера, как правдивость.

Аргументы ad hominem в правовой аргументации

[Судебное разбирательство: важность знаний о характере]

Как отмечалось выше, при стандартном (традиционном) подходе аргументы ad hominem обычно считаются ошибочными; при этом наиболее часто исключение делается для перекрестного допроса свидетелей в суде. Действительно, при судебном разбирательстве характер имеет большое значение, особенно в уголовных делах, где основная линия аргументации адвоката (прокурора) строится на том, что подсудимый – хороший (плохой) человек. В ряде случаев предполагается, что судья должен определить, является ли критика характера подсудимого справедливой.

Как отмечено в энциклопедии «Британика» в статье сэра Кортни Илберта, не все свидетельства характера и поведения считаются приемлемыми в правовой аргументации: «неприемлемы свидетельства, показывающие, что человек, которому приписывается совершение некоего деяния, имеет склад характера, делающий вероятным то, что он мог совершить или не совершить припи-

⁷ Will G.F. A Weird Sincerity // Newsweek. 1995. (November 13). P. 94.

сываемое". В целом аргументы от характера в суде не принимаются. Тем не менее Илберт приводит некоторые исключения: например, человеку, которому предъявлено обвинение в изнасиловании, разрешено привести свидетельства аморального поведения истицы. Такие вопросы (в частности, можно ли сослаться на криминальное прошлое свидетеля, для того чтобы вызвать сомнения в его честности или правдивости) становились предметом обстоятельных обсуждений.

[Аргументы ad hominem для критики и защиты эксперта и экспертного свидетельства]

Одной из наиболее интересных сфер применения аргументов ad hominem является перекрестный допрос экспертов в суде. Критика в адрес свидетеля-эксперта может фокусироваться как на том, что он нечестный человек, так и на том, что он некомпетентен в своей сфере, используемые им методы устарели и у него плохая репутация среди коллег. В таком случае в диалог вовлекаются не только защитник и обвинитель, но и свидетели-эксперты, присяжные или судья, принимающие решения.

В политической аргументации характер может быть подвергнут критике с самых различных сторон. Если политик слишком часто меняет свои убеждения, про него говорят, что ему не хватает "базовой системы внутренних ценностей". Но если он не меняет убеждений достаточно часто, то может быть подвергнут критике как негибкий, догматичный, невосприимчивый

Перекрестный допрос эксперта может рассматриваться как диалог-убеждение, где проponentом является адвокат или прокурор, проводящий допрос, а аудиторией, которую надо убедить, – присяжные. Третьим участником диалога является дающий показания эксперт.

...Теоретически эксперт является беспристрастным квалифицированным источником инфор-

мации, но тот, кто проводит перекрестный допрос, скорее видит в нем своего рода оппонента. По О. Веберу, "присяжные считают этих двоих антагонистами, даже если они не сказали друг другу ни одного резкого слова". В результате допрашивающий и эксперт противостоят друг другу в диалоге с целью убедить присяжных в своей правоте.

Таким образом, ситуация при перекрестном допросе эксперта сложная. По крайней мере один из трех участников играет двойственную роль. При этом происходит смешение диалогов различных типов. Перекрестный допрос может оказаться диалогом, в котором задающий вопросы (защитник или обвинитель) старается выявить имеющуюся у эксперта информацию. Теоретически так и должно быть. Однако каждый знает, что на самом деле защитник или обвинитель, задавая вопросы, пытается дискредитировать и нейтрализовать свидетельства эксперта как аргументы, поддерживающие позицию другой стороны.

В таких ситуациях тактика, используемая для критики и защиты мнения эксперта, может быть очень сложной и изощренной. На первый взгляд кажется, что доминирующая роль принадлежит эксперту, однако он может столкнуться с человеком очень искусным в технике перекрестных допросов, способным в значительной степени управлять ситуацией. Эксперт, как и любой свидетель, должен давать прямые ответы на все вопросы. Опытный юрист может "вести" свидетеля-эксперта в нужном направлении, эффективно пресекая все отклонения в сторону.

Юристы могут затратить много сил на разработку стратегии и тактики, для того чтобы представить мнение экспертов в нужном для себя свете. В то же время может быть тщательно разработана тактика, позволяющая предотвратить обращение к экспертному мнению.

[Экспертное мнение для судебного решения – соотношение субъективности и объективности]

Обращение к мнению эксперта является типичной формой правдоподобного довода, сдвигающего бремя презумпции в определенном на-

правлении. Аргументация здесь часто имеет форму практического обоснования, на котором строится целенаправленное рассуждение в случае, когда нет доступа к прямой информации или свидетельствам того типа, которые Локк называет *argumentum ad iudicium*, а другие – *argumentum ad rem*. Поэтому при принятии судебного решения во многих случаях экспертное мнение может быть учтено или отвергнуто на основе лишь слабого знания о квалификации эксперта, рассуждений по поводу его заключений и других соображений подобного рода. Отсюда понятно, что практически все, что касается стиля, внешнего вида и существующей репутации эксперта, может воздействовать на решение обратиться к нему.

На практике апелляция к экспертному мнению часто используется для оперативного принятия решения при отсутствии времени на изучение фактов. В таком случае на суд может произвести большее впечатление не то, что говорит эксперт, а то, как он это говорит. Отсюда мы перейдем к диалектическому анализу аргументации в диалоге между тем, кто считается экспертом, и аудиторией.

[Аргументация и рассуждение как борьба за доверие к эксперту]

С точки зрения юриста, перекрестный допрос является диалогом противников. Г. Хоффман отмечает, что необходимо предварительно определить цель допроса и составить его план. Такой план должен включать вопросы, ведущие к желаемым последствиям. При этом он советует, во-первых, никогда не просить эксперта “объяснить”, почему он составил определенное мнение, так как это позволит ему увести в сторону вашу основную линию аргументации; во-вторых, использовать “да-нет” вопросы, которые могут загнать в ловушку свидетеля-эксперта и вызвать сомнения в его правдивости. Например, “Вы согласны с тем, что оценка собственности не является точной наукой?” или “Вы согласны с тем, что оценщики в действительности по-разному оценивают один и тот же участок земли?” – хорошие вопросы для того, чтобы вынудить эксперта отве-

тить положительно. Если свидетель-эксперт попытается противостоять этой стратегии, давая объяснения или “нарративный” ответ, проводящий допрос может потребовать, чтобы такой ответ не учитывался как не имеющий отношения к вопросу.

Комплексная природа диалога, проводимого с целью убеждения или получения совета в правовых ситуациях, позволяет понять, что тактика аргументации является тонкой и сложной материей. Если любой из аргументов рассматривать с позиции критической дискуссии, их можно с полным правом назвать неуместными и даже ложными

Обычно к эксперту обращаются с целью получения всесторонних фундаментальных ответов и разъяснений “темных” мест. Однако юрист, проводящий перекрестный допрос, может использовать тактику нейтрализации или пресечения таких ответов, если они ему невыгодны.

Комплексная природа диалога, проводимого с целью убеждения или получения совета в правовых ситуациях, позволяет понять, что тактика аргументации является тонкой и сложной материей. Она может включать критику *ad hominem*, наводящие и провокационные вопросы и другие приемы, а также их различные комбинации. Поэтому если аргумент *ad hominem* принимается судом, отсюда не обязательно следует, что этот аргумент не является ложным в общем или абсолютном смысле. То же можно сказать и об аргументах *ad hominem*, применяемых в политических дебатах, где они занимают законное место в риторике, цель которой – заставить аудиторию усомниться в аргументации оппонента. Если любой из этих аргументов рассматривать с позиции критической дискуссии, их можно с полным правом назвать неуместными и даже ложными.

Из главы 7. Оценка аргументов ad hominem

[Оправданность и сила аргументов ad hominem: проблема релевантности]

Проблема, связанная с использованием аргументов в политической дискуссии, заключается не в том, что они всегда ошибочны, а в том, что в связи с ними возникла тенденция превращать серьезное обсуждение в мыльную оперу: вопросам, связанным с характером, уделяется неоправданно большое внимание по отношению ко всей совокупности релевантных свидетельств.

Релевантность в диалоге

[Диалектическая релевантность аргументации: соответствие нормативных структур аргументации типу диалога]

Для того чтобы распознать ошибочные аргументы ad hominem, многие авторы обращаются к понятию релевантности. Предварительно необходимо определить, что означает "релевантность". Д. Уолтон в соответствующих случаях говорит о "диалектической релевантности аргу-

ментов в политической дискуссии, заключается не в том, что они всегда ошибочны, а в том, что в связи с ними возникла тенденция превращать серьезное обсуждение в мыльную оперу: вопросам, связанным с характером, уделяется неоправданно большое внимание по отношению ко всей совокупности релевантных свидетельств.

типов диалога: диалог-убеждение, подвидом которого является критическая дискуссия; исследование; информационно-поисковый диалог; рассуждение; переговоры и спор, включающий и перебранку. Существует ряд нормативных структур аргументации: аргумент может быть релевантным для диалога одного типа (предполагающего наличие аргументов подобного вида), и нерелевантным для другого. Например, одна и та же угроза – аргумент ad baculum⁸, – уместная в контексте переговоров, может быть абсолютно неуместной и, следовательно, нерелевантной в контексте критической дискуссии. Поскольку иногда диалектический сдвиг в аргументе – переход от одного типа диалога к другому – может быть скрытым или недоуловленным, ошибки релевантности нелегко выявить.

[Как оценить релевантность аргументации]

...При определении диалектической релевантности аргумента критик должен обратить внимание на шесть факторов, представленных в тексте и контексте дискурса.

1. *Тип диалога.* С диалогом какого типа мы имеем дело? Рассматриваемый аргумент или шаг в диалоге должен быть оценен с точки зрения его релевантности по отношению к конкретному типу диалога. Например, аргумент, релевантный в критической дискуссии, может быть нерелевантен в диалоге-исследовании.

2. *Стадия диалога.* Речевой акт, релевантный, например, на конфронтационной стадии диалога, может быть нерелевантным на аргументационной стадии.

3. *Цель диалога.* Релевантность всегда определяется по отношению к цели диалога. Если данный диалог является критической дискуссией, направленной на разрешение противоречий между двумя различными точками зрения P1 и P2, подаргумент будет релевантным при условии, что он связан с решением вопроса о том, какая из позиций, P1 или P2, сильнее.

4. *Аргументационная схема.* Каким образом подаргумент связан с некоторой темой диалога,

Проблема, связанная с использованием аргументов в политической дискуссии, заключается не в том, что они всегда ошибочны, а в том, что в связи с ними возникла тенденция превращать серьезное обсуждение в мыльную оперу: вопросам, связанным с характером, уделяется неоправданно большое внимание по отношению ко всей совокупности релевантных свидетельств

ментации", что означает, что аргумент или другой шаг в диалоге будет считаться релевантным в той степени, в какой он вносит вклад в данный тип диалога. Уолтон выделяет шесть основных

⁸ Палочный аргумент (лат.), убеждение с помощью насилия. – Прим. пер.

например с оппозицией P1 и P2? Это зависит от типа его аргументационной схемы. Оценить релевантность ответа на аргумент можно с помощью соответствующих этой схеме критических вопросов. Например, ответ: "Действительно ли авторитет, на который вы ссылаетесь, является экспертом?" будет релевантным.

5. *Последовательность предыдущих аргументов.* Является ли подаргумент диалектически релевантным в текущем диалоге, в значительной степени зависит от последовательности предшествующих ему аргументов. Любые соответствующие текстовые свидетельства в данном случае являются важным источником информации для определения релевантности новой линии аргументации.

6. *Речевые события.* Исходные условия происходящих речевых событий могут накладывать ограничения и устанавливать особые правила, помогающие определить релевантность в данном случае. Например, если аргумент применяется в суде, особые правовые предписания могут способствовать определению ходов, которые будут считаться релевантными или нерелевантными для этого типа речевого события.

Отметим еще некоторые важные моменты, связанные с применением перечисленных критериев. На локальном уровне аргументации определить, какой ответ на атаку *ad hominem* является релевантным, помогают критические вопросы, приведенные в предыдущих главах. На глобальном уровне основным фактором при оценке аргументов *ad hominem* часто является предполагаемый тип диалога. Исследование конкретных случаев показывает, например, что аргумент *ad hominem*, поднимающий вопросы характера и личной честности, может быть нерелевантным, если диалог является критической дискуссией по вопросу, совершенно не связанному с личностями участников. Но тот же аргумент может быть релевантным в контексте диалога-рассуждения, где одна сторона дает личные советы другой.

Для определения релевантности аргумента *ad hominem* в конкретном случае можно построить цепочку имевшей место аргументации (на локальном уровне) и попытаться связать ее с темой

диалога (на глобальном уровне). В то же время аргументация может выводиться из глобального уровня с целью связать ее с конкретным аргументом *ad hominem*, использованным на локальном уровне.

Субъективные и объективные свидетельства

[Иллюзия абсолютной ошибочности аргументов *ad hominem*]

Во многих учебниках аргументы *ad hominem* считаются ошибочными на том основании, что они концентрируются на субъективных аспектах критики противника вместо непосредственного рассмотрения его заявлений и подтверждающих их объективных свидетельств. Неудивительно, что многие авторы, принявшие эту точку зрения, рассматривают аргументы *ad hominem* как по природе своей ошибочные.

[Аргументация *ad hominem* применима при невозможности объективных оснований для вывода]

...Однако часто объективных свидетельств не хватает или они по различным причинам недостаточны для того, чтобы доказать или опровергнуть рассматриваемое заявление. Во многих случаях практического рассуждения сбор релевантных объективных свидетельств займет столько времени или обойдется так дорого, что решать проблему подобным путем будет неразумно.

[Аргументация *ad hominem* важна для размышлений о сфере этического]

При политической или этической аргументации спорные вопросы, касающиеся государственной политики, могут быть настолько связаны с системой ценностей, что одних только эмпирических фактов, даже релевантных, недостаточно для их решения. В таких случаях очень важны субъективные свидетельства, или аргументы *ad hominem*. Более того, при наличии объективных свидетельств, подтверждающих до некоторой степени позиции обеих сторон, аргументы

ad hominem как субъективные свидетельства способствуют сдвигу бремени доказательства в ту или иную сторону.

Поэтому категорическое заявление, что релевантным может быть только "объективное", или фактическое свидетельство (то, что называется аргументацией ad rem или ad iudicium), будет проявлением упрощенческого бытового подхода и ошибкой. Действительно, объективные свидетельства предпочтительнее субъективных, поскольку последние неодинаково воспринимаются разными людьми. Поэтому, как видно из нашего анализа, аргументы ad hominem в целом лучше рассматривать как предварительные и не окончательные, зависящие от критических вопросов в каждом конкретном случае.

[Каждодневная практика аргументации: аргументы ad hominem как нападение и как защита]

Начиная с эпохи Просвещения в западной культуре превалировали объективные доказательства; эта тенденция восходит к Паскалю и Декарту, которые отдавали явное предпочтение аксиоматическому методу, представленному в Евклидовой геометрии. С того времени на Западе распространилось мнение, что единственным серьезным способом обоснования является доказательство, основанное на объективных и нейтральных свидетельствах, то есть обоснование научное. Практическое обоснование, базирующееся на субъективных суждениях и правдоподобных (вероятных) выводах, было не в чести. Любопытно, что такой подход отвергает как несущественную аргументацию, базирующуюся на характере, которая, как показано в предыдущих

главах, столь часто используется в суде и в каждодневных рассуждениях. Распространенность подобных взглядов способствует той легкости и естественности, с которой авторы учебников логики полагают, что аргументы ad hominem являются ошибочными. Но при этом не учитывается каждодневная практика аргументации – особенно судебной и политической, – показывающая, что обращение к характеру часто является не только лучшим способом атаки,

но и лучшей защитой от обвинения.

Из общепринятого представления о субъективной и условной природе аргументов ad hominem не стоит делать упрощенный и категоричный вывод, что эти аргументы всегда ошибочны, поскольку не содержат объективных свидетельств.

Конечно, раньше не существовало последовательных методов для оценки данных аргументов или для идентификации и определения их как конкретных форм. Поэтому можно понять недоверие к этим аргументам и существующую тенденцию категорически отвергать их как ошибочные. Однако теперь мы можем идентифицировать каждый вид как особую аргументационную схему и знаем, какие свидетельства необходимы для поддержки этих аргументов в конкретных случаях. С помощью соответствующих критических вопросов из аргументов ad hominem можно извлекать сведения, пригодные для оценки мнений или действий, о которых идет речь. Однако для этого необходимо изменить и расширить общепринятое представление об обоснованной аргументации в формальной структуре диалога.

[Аргументация ad hominem как механизм порождения доверия]

Участник диалога должен рассматриваться не только как человек с некоторой системой взглядов, но и как человек, имеющий определенный рейтинг доверия, основанный на его “репутации”, то есть на том, что известно о его позиции, познавательных способностях и других личностных качествах, релевантных для данного вида диалога.

Функция доверия (надежности)

[Доверие как ресурс и как цель атаки]

...В обычном случае критической дискуссии или диалога какого-либо другого типа, модели которых представлены в литературе по формальным диалоговым структурам, говорящий является просто “участником”, который имеет определенную совокупность точек зрения (взглядов) и обретает новые точки зрения или расстаётся со старыми в зависимости от предпринимаемых им ходов в диалоге. К этой базовой структуре мы добавляем вспомогательный элемент – то, что участник диалога известен как *личность*, индивид, который, на основании имеющейся информации о его личных обстоятельствах, характере, знаниях или статусе предвзятого или непредвзятого человека, имеет определенный эпитетический рейтинг. Если этот человек уважаем за хороший характер, имеет положительные рекомендации, ему может быть приписан позитивный рейтинг. Если он известен как постоянный лжец или лицемер, ему будет приписан негативный рейтинг. В первом случае оценка достоверности защищаемой им пропозиции повысится, во втором – понизится, так как эпитетический рейтинг личности влияет на значение (оценку) достоверности защищаемой им пропозиции (аргумента). Этот рейтинг по ходу дела может изменяться. Отдельно могут оцениваться правдивость, рассудительность, проницательность и т. д.

Нужно иметь в виду, что функцию доверия (надежности) не всегда имеет смысл учитывать. Как мы уже отмечали, обычно в критической дискуссии *участник* – просто некоторый индивид с приписанным ему набором точек зрения; ин-

формация о его характере, прочих личных характеристиках или биографии отсутствует. То же обычно бывает и при исследовании, в котором важны объективные свидетельства, подтверждающие или опровергающие некоторое заявление. Личностные качества и факты из биографии индивида, сделавшего заявление, несущественны при оценке доводов, приводимых им в поддержку своего заявления.

Однако в определенных случаях информация о личных характеристиках пропонента может иметь большое значение для оценки его аргумента. Например, в уголовном суде, если нет свидетелей или весомых доказанных обстоятельств, подтверждающих или опровергающих обвинение, характер (обстоятельства, пристрастия, действия в прошлом, непротиворечивость позиции и т. п.) того, кто сделал некоторое заявление, может иметь огромное значение для оценки правдоподобия этого заявления. Иногда недостаток доверия к обвиняемому – единственное свидетельство, к которому может прибегнуть защита. Если нет возможности уцепиться за это обстоятельство, обвинение может оказаться неопровержимым.

[Доверие как источник заблуждения]

В подобном случае контекст диалога позволяет применить функцию доверия, при которой аргументы оцениваются не только на основании объективных свидетельств (*ad rem* или *ad iudicium*, в традиционных терминах). Нужно также использовать субъективные свидетельства, базирующиеся на нашей оценке людей, участвующих в аргументации. В большинстве случаев эти субъективные (*ad hominem*) свидетельства сами по себе не являются ни решающими, ни весомыми, даже если их суммировать. Но все же их можно использовать для того, чтобы вызвать или, наоборот, подорвать доверие к рассматриваемой пропозиции при наличии объективных свидетельств. В некоторых случаях субъективные свидетельства, базирующиеся на доверии к человеку, могут вводить в заблуждение, так или иначе нарушая баланс мнений при рассмотрении ситуации. ■